

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

«Автор»

2026

Скугарь Е.

Кот маленькой ведьмы / Е. Скугарь — «Автор», 2026

Городское фэнтези с ироничным котом-рассказчиком, семейными тайнами и магией, Атмосфера уютного города, где ведьмы держат травяные лавки, призраки комментируют быт, а старые тайны не умирают — они просто ждут, пока кто-то задаст правильный вопрос. Меня зовут Моррис. Я кот. Правда, призрак — но мне это не мешает. Я обретаюсь в доме и в лавке Вороновых, где живут ведьмы и пахнет шалфеем и старыми книгами Агата ведьма в третьем поколении, но пока не уверена, что это комплимент. Она умная, упрямая и ещё не знает, что спокойные дни закончились. Однажды вечером у лавки появился парень — а за ним, невидимая почти никому, стояла тень. Парень ищет мать, пропавшую полгода назад. След ведёт в лавку Вороновых — и в прошлое, о котором хозяйка, Лидия Петровна предпочла бы молчать. Теперь Агате придётся выбирать: остаться на подоконнике или начать собственное расследование. А я? Я присмотрю. В конце концов, кто-то же должен следить, чтобы она не наделала глупостей

© Скугарь Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

Глава 1

Не люблю я пафосные вступления. «Меня зовут» и прочая человеческая суета. Поэтому скажу просто: я Моррис. Кот. Призрак. Последнее — не жалоба, а констатация факта. Да, полупрозрачный, да, невидимый для обычных людей, но всё ещё деятельный.

Живу в лавке Вороновых, присматриваю за порядком, а заодно — за одной конкретной ведьмой, которая способна этот порядок нарушить быстрее, чем я успеваю сказать «не надо».

Знакомьтесь — Агата Воронова, шестнадцати лет от роду. Потомственная ведьма, а выглядит так, будто её собрали из остатков чужого гардероба: свитер явно с чьего-то плеча, джинсы с художественными дырками и взгляд «я знаю, что ты скажешь, и нет, делать не буду».

Моя работа — следить, чтобы она не взорвала дом, не поверила в очередную чушь про «магию для чайников» и не угробила себя из-за врождённого благородства. Работа несложная, но нервная.

Сейчас она сидит на подоконнике в бабушкиной лавке, греет пятки о батарею и делает вид, что читает. На самом деле витает в облаках — я хвостом чувствую. Хвост у меня, к слову, всё ещё есть, хоть и полупрозрачный.

В лавке пахнет шалфеем, пылью и Wi-Fi роутером, который бабушка спрятала за банками с травами — «чтоб не портил энергетику».

Ага, как же.

Стеллажи уставлены склянками, под потолком висят пучки полыни, а на прилавке соседствуют старинные медные весы и современный кассовый терминал, который периодически глючит — видимо, не выносит магического фона.

Рядом с Агатой стоит горшок с розмарином, который она опять забыла полить. Земля потрескалась, как кожа после зимы. Я не напоминаю — пусть учится ответственности, а то привыкла, что бабушка всё исправит.

— Опять ты тут, — пробурчала она, не поднимая глаз от книги. Пальцы машинально теребят уголок страницы; видно, что мыслями она где-то в другом месте.

— А где мне быть? На форуме «Права призраков Подмосковья»?

Она фыркает и тут же прячется за книжкой, но уголок рта предательски дёргается.

Из подсобки доносится тихий звон стекла: бабушка Лидия колдует над настойками. У неё такой характер, что даже пауки в углах ведут себя прилично. Пауков, кстати, нет — но если бы завелись, ходили бы строем.

Лидия Воронова — ведьма старой закалки. Никаких ароматических свечей «на успех», никаких мантр «как покорить мир за тридцать дней». Только чёткие принципы: «Не можешь удержать защиту — не лезь в круг», «Сначала теория, потом практика» и «Агата, убери телефон, когда я с тобой говорю».

Мать Агаты сейчас в мастерской. Скучно там, по моим меркам: ни сквозняков, ни мышей, ни внезапных вспышек магии. Татьяна реставратор — возвращает к жизни старые книги. Пахнет там клеем и чаем с мятой. Клиенты в её мастерской редко бывают. Не потому что работы мало — просто с каждой книгой Татьяна работает долго.

Иногда к ней заходит Дмитрий Алексеевич Князев, начальник отдела магического правопорядка. Суровый дядька. Вдовец, это Лидия быстро выяснила. Краснеет, когда Татьяна предлагает ему чай. Смешной, но безобидный.

Вороновы — ведьмы потомственные, их род здесь жил со дня основания города, ещё когда на месте мостовой были болота, а вместо фонарей — факелы. Шурш мне рассказывал, он тут у нас самый старый, ему четыреста лет, характер, соответственно, имеет такой, что хоть святых выноси. Но чего вы хотите? За четыре столетия любое доброе намерение может превратиться в склочную привычку, и хранитель дома не исключение.

Я с удовольствием зевнул и потянулся.

Так вот, Татьяна сознательно отказалась от дара. Вычеркнула магию из своей жизни — и это, скажу я вам, тоже сила, причём посильнее многих заклинаний. Иногда я думаю, что Агата унаследовала от неё именно это: умение делать вид, что всё нормально, даже когда тебя ситуация дёргает за усы.

Так, что-то я задумался.

— А что ты читаешь? — решил я поддержать беседу.

— «Основы энергетических потоков», — вздохнула с тоской Агата. — Скучнее только инструкция к микроволновке.

— Зато полезнее. В прошлый раз твоя «интуитивная магия» чуть дом не спалила.

Она покраснела:

— Это был эксперимент! С польнью! Я не знала, что фен нельзя

Из-за шкафа донеслось скрипучее:

— А я тогда окна открыл! И дыма почти не было! И никто спасибо не сказал. А ты, Моррис, опять за своё — критикуешь, а сам в тот вечер на шкафу сидел и усы мыл, пока полдома дымилось.

— Я контролировал ситуацию, — отрезал я с достоинством. — Усы тут ни при чём, они всегда в идеальном состоянии, и это не обсуждается.

Шурш, хранитель дома, сегодня в образе вредного дедка. Он вообще-то не дедок, а эгрегор, но это долго объяснять. Четыреста лет на службе у рода, характер соответственно вредный, как у старого таракана. Сегодня он изображает обиженного старикана, хотя на самом деле — сгусток энергии дома.

Агата снова поднимает глаза и раздражённо сдувает волосы, упавшие на лицо. Прядь упрямо возвращается на место, как будто решила, что ей тут самое место. У неё сейчас то самое выражение: упрямство пополам с усталостью. Шестнадцать лет, а взгляд как у человека, который уже понял: никто не придёт и не скажет, как правильно.

— Знаешь, что самое паршивое? — неожиданно сказала она. — Читаю эти умные книжки, пытаюсь разобраться, как всё устроено, а потом смотрю на бабушку и думаю: а вдруг она тоже не всё понимает?

О! Прогресс.

— Наконец-то дошло. А я думал, ты до тридцати будешь свято верить в «древнюю мудрость предков».

— Ты циник.

— Я кот. Это одно и то же.

Она засмеялась — впервые за день по-настоящему. Сразу видно, какая на самом деле: быстрая, живая, остро реагирующая на несправедливость, но не ожесточённая. Пока.

День тянулся, как очередь в поликлинике. Я как раз дремал на прилавке, размышляя о тщете бытия, когда звякнул входной колокольчик.

Старый, бронзовый, с вязью по ободу — не магический, просто красивый. Звякнул знакомо и вопросительно: «Ну, кто там?»

Я приоткрыл один глаз, хотя и так знал, кто вошёл. Запах старого табака, сырой земли и ещё чего-то неуловимо-человеческого — так пахнут только старики, которые много ходят пешком и не жалуются на погоду.

Савельич. Семён Савельич, бывший военный фельдшер, а ныне просто пенсионер и завсегдатай. Он захаживает к Лидии каждые две недели, и всегда за одним и тем же: травами от поясницы, настойкой для сна и пучком сушёной мяты «для внучки, пусть хоть чай пьёт, а не эту химию». Иногда они с Лидией пьют чай. Иногда просто перебрасываются парой фраз о городе. Я бы назвал это дружбой, но Лидия, услышав такое, скривилась бы и сказала: «Не говори глупостей, Моррис».

— Доброго дня, Лидия Петровна, — прогудел Савельич от двери, притопывая ногами, чтобы стряхнуть несуществующую грязь. Привычка у него такая: даже летом, даже в сухую погоду — притопнет, посмотрит на ботинки, будто проверяет, не прилипло ли что.

— Здравствуйте, Семён Савельич, — отозвалась Лидия, не поднимая головы от ступки. Она как раз растирала что-то едко-зелёное, и запах у этого «что-то» был такой, что даже у меня на секунду заслезились глаза, а это, учитывая, что я призрак, говорит о многом.

Агата тем временем сползла с подоконника и спрятала книгу за спину. Я прыгнул на прилавок и уселся рядом с кассовым аппаратом. Отсюда было отлично видно и лавку, и улицу, и чайник.

— Опять полынь? — поинтересовался Савельич, кивая на ступку.

— Полынь с донником. От вашей поясницы, между прочим, — Лидия наконец оторвалась от работы и смерила его взглядом. — Вы мазь-то мою использовали?

— Использовал, — Савельич с готовностью задрал полу плаща, демонстрируя поясницу, обмотанную старым шерстяным шарфом. — Третий день уже. Отпускает.

— Отпускает его, — фыркнул я с прилавка, но, разумеется, никто ничего не услышал. Кроме, может, Шурша, но тот сегодня дремал где-то в стенах. — Конечно, отпускает. Лидия на эту мазь сил положила, а он — «использовал». Хотя бы «спасибо» сказал.

Савельич, как назло, именно это и сделал:

— Спасибо вам, Лидия Петровна. Руки у вас золотые.

Лидия хмыкнула и, кажется, даже чуть порозовела. Не часто её благодарят без попытки что-нибудь выпросить.

— Чай будете? — спросила она, уже поворачиваясь к старому электрическому чайнику.

— Если не помешаю, — просиял Савельич.

— Помешаете, — проворчал я, поудобнее устраиваясь на прилавке, — но кого это волнует?

Чай Лидия заваривала особый, не из лавки, а из собственных запасов: с мятой, зверобоем и каплей мёда. Мёд она, кстати, покупала у пасечника с Верхних выселок, потому что свой в этом году не задался — пчёлы, видите ли, не переносят магический фон. Я же говорю: неженки.

Пока закипал чайник, Савельич, кряхтя, устроился на стуле для посетителей, с протёртой до дыр обивкой, который Лидия всё грозилась выбросить, но так и не собралась. Стул этот помнил, кажется, ещё деда Воронова.

— Как город? — спросила Лидия, расставляя чашки. — Всё шумите?

— А когда мы не шумим? — Савельич принял чашку и с наслаждением вдохнул пар. — На прошлой неделе у храма опять цирк устроили. Молодые ведьмы из ковена экспериментировали. Хорошо хоть в соцсетях не транслировали.

— Молодые, — фыркнула Лидия. — Им бы сначала научиться контур держать, а потом уже чудить. Тем более рядом с храмом.

— Вот и я так думаю, — поддакнул Савельич. — Ваша-то как? — он кивнул на Агату, которая деловито изучала этикетку на банке с ромашкой.

— Агата — учится, — отрезала Лидия таким тоном, что любому стало бы ясно: распросы о внучке она готова пресечь на корню. Но Савельич — старый друг, ему можно.

Агата, пользуясь моментом, снова устроилась на подоконнике и поглядывает в книгу. Савельич замечает, щурится.

— Всё читаешь? Молодец. Мой внук в твои годы только комиксы листал.

— Я не просто читаю, — Агата хмурится, но тут же смягчается, будто сама испугалась, что прозвучало слишком резко. — Пытаюсь понять логику.

— Какую логику?

— Почему одно работает, а другое нет. В травах, в заклинаниях — она запинаяется, поймав строгий взгляд Лидии.

— Потому что у всего есть закон, — сухо говорит бабушка. — Если ты его не знаешь — сиди и учи. А не экспериментировать.

— Это был один раз! — возмущается Агата, но уже без огня.

— Один раз — это на один раз больше, чем нужно, — парирует Лидия, и Савельич прячет улыбку в усы.

Лидия вдруг чуть понизила голос и наклонилась вперёд:

— Иногда я думаю, не слишком ли много она на себя берёт.

Я аж ухом дёрнул. Лидия — и вдруг призналась, что волнуется? При постороннем? Ну, Савельич, конечно, не чужой, но всё же Кажется, зима в этом году наступит раньше.

Савельич отнёсся к этому признанию с тактом:

— А вы на свой век поменьше оглядывайтесь, Лидия Петровна. Дети — как трава. Дашь корням силы — сами дорогу найдут.

Ага, Агате волю дай — она полгорода перекопает в поисках истины. Ещё и меня к этому делу припашет.

— Свобода свободой, — вздохнула Лидия, — а только Виктор тоже свободу любил. И чем это кончилось?

Она задумчиво огляделась, будто искала в лавке что-то, что могло бы объяснить всё сразу. Агата бросила короткий взгляд на бабушку и вновь уткнулась в книжку. Имя деда повисло в воздухе.

Я позвал подмогу:

— Эй, Шурш! Что молчишь? Обычно ты первый про семейные драмы рассказываешь.

Шурш, который до этого делал вид, что спит, тут же скрипнул откуда-то из-под пола:

— Вот не надо только меня в это впутывать. Я ему говорил: «Не лезь в это дело, сиди дома, чини забор». Так нет же — «я маг, я всё рассчитал». Вот тебе и расчёт.

— Ты говорил ему это после того, как он забор сжёг, — напомнил я.

— Неважно. Главное — я предупреждал.

Савельич, почувствовав холодок, поспешил сменить тему:

— А мята у вас есть? Внучка просила.

— Есть, — Лидия поднялась, радуясь возможности отвлечься. — Сейчас соберу.

Пока она шуршала пакетами, Савельич допил чай, осторожно поставил чашку на блюдце — так, чтобы не звякнуло, — и осмотрелся.

— А кот-то ваш он всё тут? Ну, в смысле, призрак ведь? — спросил он с любопытством, но без страха, как человек, который в жизни видал всякое и уже не удивляется.

Я мысленно закатил глаза. «Кот-то ваш» звучало так, будто я часть интерьера, вроде напольных весов или связки сушёной крапивы.

Лидия обернулась. В её взгляде и правда мелькнуло что-то похожее на нежность — совсем на секунду, пока она не вспомнила, что нежность полагается прятать за строгостью.

— Сидит, — сказала она. — И ворчит. Но пользу приносит.

— Особенно когда сидит на прилавке и пугает мышей, — добавила Агата.

— Я не пугаю мышей, я слежу за порядком! — возмутился я. — И вообще, Шурш, подтверди, что я вчера караулил, пока Лидия за травами ходила.

Из-за половицы донеслось неразборчивое, но по тону было ясно: Шурш припоминает мне прошлогодний инцидент с опрокинутой банкой.

Савельич, разумеется, меня не услышал. Но когда он вставал и забирал свой пакет с мятой, то неожиданно протянул руку. Я дёрнулся, но поздно. Его пальцы прошли сквозь меня, как сквозь туман, и Савельич тихо рассмеялся.

— И правда, призрак, — сказал он. — А всё равно кажется, что тёплый.

Я фыркнул и отвернулся. Люди. Вечно они придумывают то, чего нет.

Когда за ним закрылась дверь и колокольчик звякнул на прощание, Лидия вернулась к столу и, глядя на пустую чашку Савельича, задумчиво сказала:

— Хороший человек. Жаль, что один.

— А ты? — спросил я взглядом и с удовольствием потянулся.

Но Лидия только покачала головой, взяла ступку и снова принялась растирать травы. Движения у неё точные, экономные, будто она не просто толкла сухие листья, а раскладывала по полочкам собственные мысли.

А я вернулся на подоконник, подставляя бок вечернему солнцу, которое пробивалось сквозь пыльное стекло и рисовало на полу жёлтые квадраты. И подумал, что, наверное, ради таких вот дней и стоит быть призраком. Тихо. Спокойно. И чай с мятой. Даже если тебе не наливают.

Вечером мы идём домой. Вернее, они идут, а я просто жду их на кухне — мне не нужно открывать двери, я просачиваюсь сквозь щели, как сквозняк. Дом Вороновых — двухэтажный, серо-голубой, с зелёными ставнями и кованым навесом над крыльцом. На ночь ставни закрывают, и в резных прорезях загорается синий свет — охранные контуры. Красиво, но Лидия говорит — не для красоты. Лавка примыкает к дому, но вход у неё отдельный, так что им нужно пройти до крыльца, минуя узкий проход, где по утрам всегда лежит длинная тень от навеса.

На кухне тепло. Татьяна уже дома, возится у плиты. Пахнет печёным и мятным чаем, который уже заварен.

Агата садится за стол, и мать ставит перед ней тарелку, не спрашивая, голодна ли. Это у них такой ритуал.

— Как книга? — спрашивает Агата, и её рука тянется к сахарнице, чтобы добавить в чай две ложки, хотя бабушка всегда говорит, что одну достаточно. — Та, что привезли из области?

— Сказки семнадцатого века, — Татьяна помешивает что-то в кастрюле, и ложка тихо стучит о край. — Так забавно читать Герои там всегда знают, кто враг, а кто друг. Прямо как по этикеткам: на одном написано «злодей», на другом — «герой», и ни тебе двусмысленности, ни тебе подвоха.

— А в жизни не так, — вздыхает Агата, и вздох этот исходит из самых глубин, где прячутся все подростковые сомнения.

— Не так, — согласилась мать. — Хотя иногда хочется, чтобы было проще. Посмотрел на человека — и сразу понятно, стоит ли доверять. Вот он — надёжный, как старый дуб. Или вот он — опасный, как ядовитый гриб.

Из-под потолка доносится скептическое шуршание. Шурш явно хочет сказать что-то про «наивную молодежь». Но я его опередил:

— Особенно когда враг стоит на пороге с букетом ромашек и просит «чайку попить, замёрз что-то». И улыбается так искренне, что сразу понятно — ничего плохого не задумал.

Татьяна вздрагивает, хотя не слышит меня, и крепче сжимает ложку, а Агата прячет улыбку в край кружки, но глаза у неё становятся живыми, блестящими.

Ночью она снова сидит над конспектами. Я устраиваюсь на подоконнике, наблюдая за пустынной улицей, где жёлтые фонари рисуют на асфальте неровные круги, а тишина такая плотная, что слышно, как где-то далеко лает собака. Шурш тихо скрипит балками где-то в стенах — проверяет контуры перед сном, перебирает невидимые нити защиты и время от времени недовольно цокает.

— Не спишь? — спрашивает Агата, не отрываясь от записей. Карандаш в её пальцах двигается быстро, уверенно, оставляя на бумаге строчки, похожие на заклинание.

— Я призрак. Я вообще редко сплю.

— Спасибо, что сидишь рядом.

— Не обольщайся. Просто слежу, чтобы ты опять не сидела до рассвета. А то смешаешь потом лаванду с перцем, и у нас вместо успокаивающего отвара получится средство для экстренного прочищения носа.

Она рассмеялась и вернулась к записям.

Уже проваливаясь в лёгкую дрёму, я услышал её тихий вздох.

— Моррис — Агата смотрела в тёмное окно, где за стеклом отражалась её собственная бледная фигура. — Сегодня, когда мы закрывались, я видела кого-то странного.

— Кого именно? — Я приоткрыл один глаз. — Если нашего соседа дядю Толю с вечным вопросом про приворотное зелье, то я уже в курсе.

— Нет, — помотала головой Агата, и прядь волос упала на глаза. — Парня. Стоял на той стороне улицы, у фонаря. Просто смотрел на лавку. Минут пять, не меньше. Потом засунул руки в карманы и пошёл в сторону старого моста.

— И что тебя смутило? Может, просто заблудился? У нас тут городок, все друг друга знают, но чужаки иногда заходят — туристы там, или грибники.

— Он был в одной толстовке, а вечером же холодно. И ещё — она морщит лоб, подбирая слова. — Когда отошёл от света, мне показалось, что за ним кто-то идёт. Может, конечно, показалось

Я задумался. Кончик хвоста чуть дёрнулся, но он у меня всегда ведёт себя как хочет, особенно когда я волнуюсь.

— Лицо разглядела?

— Только силуэт. Высокий, широкие плечи. Молодой вроде. Волосы светлые. И слегка прихрамывает.

— Молодой, — я помолчал, прикидывая варианты. — Ладно. Если он появится снова, скажешь. У меня на лица память плохая, зато на запахи и повадки отличная.

Она выдыхает — с облегчением, будто сбросила с плеч то, что не решалась сказать вслух. И возвращается к блокноту, но уже спокойнее.

Я зевнул и закрыл глаза, но сон не шёл. Что-то мне не нравилось в этой истории с незнакомцем. В нашем городке случайных прохожих не бывает — каждый друг друга в лицо знает, даже те, кто живёт на окраине. А тут — молодой, хромящий и в лёгкой одежде, да ещё и с тенью за спиной

Надо будет завтра Шурша расспросить. Хранитель дома должен чувствовать чужаков на подходе к их владениям.

Глава 2

Утро в лавке начинается одинаково: Лидия перебирает сушёные корни в подсобке, перед ней раскрыт grossбух с заказами на сегодня. Вечером они с Агатой заряжали амулеты, а настои и сборы Лидия решила сделать с утра, до открытия, пока клиенты ещё не начали осаждать порог.

Воздух был густо пропитан лавандой и чабрецом, и поверх этого плыл тот самый особенный оттенок — верный знак, что Лидия опять колдует. Самое нелепое, что я его чувал, хотя у призраков вроде как не бывает никакого обоняния.

Не знаю, как люди, но для меня любая магия пахнет по-своему: любовный приворот отдаёт сладкой горечью, защитный круг — металлом и озоном, а заговор на сон — старым одеялом и молоком.

Я устраиваюсь на подоконнике и неспешно оглядываю улицу. Небо сегодня серое и плотное, словно старое одеяло из прабабкиного сундука, — явно будет дождь, и не просто дождь, а тот самый затяжной, противный, когда вода просачивается даже сквозь закрытые окна и оседает испариной на стёклах, залезает в углы и заставляет Шурша ворчать громче обычного.

Терпеть не могу дождь.

Сырость словно пробирается под самую кожу, оставляет на душе неприятный холодок. Лучше уж зима, когда всё честно сковывает мороз, или лето, когда можно нежиться на подоконнике либо сбежать в лес. Да что угодно, только не эта унылая промозглость.

— Моррис, слезай с подоконника, — говорит Лидия, выходя из подсобки с охапкой сушёной полыни. — Клиенты увидят твои отпечатки на стекле и решат, что у нас кот.

— У вас и есть кот, — напоминаю я, послушно перебираясь на прилавок. — Просто мёртвый. Это придаёт заведению шарм, между прочим. Не в каждой лавке есть персональный призрачный хранитель.

Я гордо вытягиваюсь.

— Ещё хуже, — буркает она, раскладывая полынь по бумажным пакетам. — Живой кот хоть мышей ловит и не философствует на тему бытия.

Я не отвечаю. Следов я, к слову, не оставляю — если сам того не захочу. Но Лидии проще думать иначе, что я оставляю разводы на стекле. С Лидией вообще проще соглашаться, чем спорить.

Из-под половицы доносится скрипучее, как старая дверь на ржавых петлях:

— А я говорил: надо было кота живого завести. Живые хоть мышей ловят, а от этого только шум и никакой практической пользы.

— Я лучше любого живого кота, — возмущаюсь я. — И мышей бы ловил, если бы они тут водились.

— Мыши умные, — хихикает Шурш. — От призраков удирают быстрее, чем от химии.

— Ба, тебе помочь? — кричит Агата, заглядывая в дверь с растрёпанными волосами, которые она так и не причесала после сна. Ей дали задание прополоть огородик за лавкой, где растут особо редкие травы, сорняки же лезут как на дрожжах. Она это дело не жалуется, но из двух зол — сад или переписывание конспекта по лунным фазам — выбрала меньшее, то бишь землю.

— Нет, занимайся, — отзывается Лидия, не поднимая головы. — Потом тему повторим, с тебя взаимодействие воды и огня в настойках.

А я говорил, что так и будет.

Агата закатила глаза, сдёрнула с полки садовые ножницы и исчезла за домом.

Через полчаса она вернулась — руки в земле по локоть, на щеке грязный развод, в волосах застрял сухой листок. Вымылась у раковины, буркнула что-то про «сорняки бессмертные»

и уселась на подоконник с конспектом. Тема сегодня — «Взаимодействие лунных фаз с травяными настоями». Тоска зелёная. Я бы на её месте лучше почитал про взаимодействие подорожников с домашними обязанностями, но кто меня спросит.

В половине десятого звякнул колокольчик — и я узнал посетительницу ещё до того, как она открыла рот. Маргарита Степановна, бывшая учительница музыки, ныне пенсионерка с активной жизненной позицией и не менее активным желанием всё контролировать, включая кошек, мужа и внуков. Сегодня в новом розовом пуховике, который делает её похожей на ожившую зефирку, причёска уложена с такой тщательностью, что ясно: человек готовится к важному событию.

— Лидия Петровна, здрасте! — прощепетала она, отряхивая с рукавов несуществующую пыль. — Есть у вас что-нибудь от волнения? Завтра внук женится, а я боюсь, что разревусь на весь ЗАГС, как та норовистая корова. Навзрыд, представляете?

Лидия оглядела её поверх очков:

— Пустырник с мелиссой. Три капли под язык за полчаса до росписи. Но плакать всё равно будете, Маргарита Степановна.

— Ой, а что ж делать-то? — всплеснула руками Маргарита Степановна, и браслеты на её запястьях зазвенели, как колокольчики.

— Гордиться. И красивый платок носовой взять.

Следом ввалился дядька, от которого пахло знакомым: старая кожа, табак и мазь из лавки. Николай с Верхних выселок. Спина у него болела всегда, к врачу не ходил принципиально, а к Лидии — с удовольствием: «После вашей мази я как огурчик, честное слово». Сегодня огурчик выглядел помятым — кряхтел и держался за поясницу.

— Опять? — спросила Лидия.

— Дак огород же, — Николай виновато развёл руками, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на детскую обиду. — Вчера в дом захожу — мазь-то кончилась, а я как без рук. Дайте ещё баночку, а то картошку не выкопаю.

— В больницу вам надо, — отрезала Лидия, плотно закручивая крышку небольшой банки. — И в огороде поменьше копать.

— Да как же без огорода-то А больница — это день потерять, там очередь, там анализы — покачал он головой, принимая баночку и заворачивая её в какую-то тряпку. — Благодарствую.

Потом забежала Катерина из дома напротив — молодая мама с младенцем в жёлтом комбинезоне. Пахло от неё недосыпом, грудным молоком и слабым настоем фенхеля, который она, видимо, пыталась применять сама, но потерпела фиаско. Лидия молча выложила на прилавок пузырёк укропной воды, мешочек с заговором на младенческий сон и сухую ромашку для ванночек. Катерина выдохнула — будто ей не травы дали, а билет в санаторий.

— Ты хоть спишь? — спросила Агата, оторвавшись от конспекта, и в голосе её послышалась искренняя жалость, смешанная с ужасом перед будущим.

— В перерывах, — слабо улыбнулась Катерина. — Спасибо, девочки.

Агата проводила её взглядом, полным смеси любопытства и сочувствия, и что-то пометила в блокноте. Спорим, вечером будет выяснять у Лидии состав заговорённого мешочка.

Наступила пауза — та самая редкая минута, когда в лавке никого нет и можно перевести дух. Я перебрался с подоконника на прилавок, с прилавка — на стул для посетителей и свесил хвост.

Солнце наконец просочилось сквозь низкие облака и заплясало в пылинках, которые кружились в воздухе, как пьяные мотыльки, и от этого в комнате стало почти уютно.

Из-под пола раздалось задумчивое:

— Вот раньше люди с головной болью по лавкам не бегали. Болит голова — значит, думал лишнее. Ложись спать и не выдумывай. Или работай. Когда работаешь, думать некогда.

— А сейчас? — спросил я, заранее зная ответ.

— А сейчас думать не перестают, а спать не хотят. И удивляются ещё.

Пока он ворчал, зашла последняя перед обедом — баба Нина, соседка с соседней улицы. Маленькая, сухонькая, в платке, завязанном под подбородком так туго, что, кажется, она сама себя держит в руках. Пришла за травами «для сердца и нервов одновременно».

— А нервы от чего? — спросила Лидия, взвешивая пустыряк.

— От жизни, — вздохнула баба Нина. — Зять у меня — золотой человек, правда. Но когда он дома, я вся как натянутая струна — только он шаг ступит, а у меня уже сердце в пятки уходит. Уходит — отпускает. И всё говорит, говорит... А что говорит — непонятно. — Старушка достала кошелёк, такой же старенький, как она сама. — Сделай мне такой сбор, чтобы золотого человека в доме выдерживать.

— Сделаю, — кивнула Лидия. — И совет бесплатный: не держите в себе. Скажите, что вам тишина нужна, а не его разговоры о политике.

— Обидится, — покачала головой баба Нина, и платок на ней дрогнул.

— Не обидится. Он же золотой.

Баба Нина усмехнулась, забрала пакетик и ушла, качая головой — то ли в знак согласия, то ли в знак того, что ничего не изменится.

Когда дверь за ней закрылась и колокольчик звякнул на прощание, Агата потянулась так, что хрустнули плечи, и спросила с неподдельным любопытством:

— Мне кажется, или они все жалуются на одно и то же? Нервы, спина, давление.

— Не на одно и то же, — возразил я. — А на жизнь. Просто у каждого она болит по-своему.

— Философ, — скрипнул Шурш из стены. — Хвостатый Шопенгауэр.

— Завидууй молча.

Агата подошла к прилавку и заглянула через плечо бабушки в гроссбух.

— Всё те же проблемы, всё те же отговорки, — задумчиво сказала она, листая страницы и водя пальцем по строчкам. — Люди не меняются, бабушка. Те же жалобы, что и сто лет назад.

— Ещё как меняются, — возразил я с умным видом. — Раньше говорили «знахарка» и крестились, теперь — «натуропат» и лайкают в соцсетях. Раньше «порча», теперь — «энергетический сбой». Суть одна, а упаковка разная, как у конфет.

— Слова другие, суть та же, — заметила Лидия, перевернула гроссбух и вдруг строго глянула на внучку, которая стояла, согнувшись над прилавком в три погибели. — Не горбись. Нормально спросить не можешь, когда что-то хочешь узнать?

Агата выпрямилась, как солдат по команде «смирно», и в глазах её мелькнул испуг, что бабушка сейчас закатиет лекцию о правильной осанке.

— Да всё понятно, ба.

— Раз понятно, расскажи-ка, что входит в заговор для сна. — Лидия закрыла гроссбух и скрестила руки на груди, приготовившись слушать.

Агата задумалась. Этого они точно ещё не проходили, но Лидия иногда устраивала такие мозговые штурмы — чтобы внучка училась анализировать.

— Лаванда, мелисса... — она подняла глаза к потолку и, видимо что-то вспомнив, уверенно продолжила: — Полынь, рябина... чертополох?

Лидия кивнула и потянулась к полке, где лежал её гримуар.

— В целом верно. Состав длиннее, может меняться. Почему?

— Зависит от задачи, цели, времени... — Агата выпалила это так, будто сдавала экзамен, и даже щёки у неё порозовели.

— И возраста, — добавила Лидия. — Да, всё так. — Она открыла старую книгу. — Вот заговоры. Учи. Переписывать не дам.

Я тут же переместился на плечо Агаты — в прямом смысле, мои полупрозрачные лапы упёрлись ей в ключицы, и я сунул нос в книгу, от которой разило столетиями и затёртыми

пальцами. Интересно же! И магия от неё пахла так вкусно, что хотелось лизнуть страницу, хотя я и без того знал, что вкус будет напоминать пыль и чернила.

— Не подглядывай, — Агата дёрнула плечом, пытаюсь скинуть меня.

— Я призрак. Мне положено подглядывать, — парировал я с достоинством. — В должностной инструкции записано.

Ближе к вечеру, когда солнце уже начало клониться к закату и лавка начала погружаться в полумрак, зашла женщина с необычным запросом, от которого даже я наострил уши.

— Лидия Петровна, а у вас есть что-нибудь чтобы муж в телефоне меньше сидел? — спросила она с такой интонацией, будто просила яд.

Лидия замерла посреди движения, держа в руке пучок мяты.

Я привстал, потому что редко её застают врасплох — обычно она на любой вопрос отвечает без запинки.

— От игромании? — уточнила она, медленно опуская мяту на стол.

— Не только. Он из телефона вообще не вылезает — утром новости, днём ролики, вечером игры, ночью лайки. Я с ним уже неделю нормально, по-человечески, поговорить не могу: он только «угу» и «потом».

— А вы пробовали просто забрать телефон? — съязвил я, хотя никто меня не слышал. — Или роутер выключить и сказать, что магия кончилась?

Лидия, разумеется, сделала вид, что меня нет, но сказала почти то же самое, только вежливее:

— Попробуйте для начала договориться. Полчаса утром на новости, час вечером на отдых, а в остальное время — семья и живые разговоры. Иногда это работает лучше трав.

— Договаривались уже, — женщина вздохнула с безысходностью. — Он кивает, улыбается — и опять за своё, как только я отвернусь.

— Тогда вам, извините, не травы нужны, а семейный психолог. Или новый муж, — отрезала Лидия, но тут же смягчилась и потянулась к полке с наборами для чая.

Женщина вздохнула. Но травы всё же купила — «хотя бы для успокоения нервов».

Я проводил её взглядом и обратился к Шуршу:

— Вот видишь, а ты говоришь, люди не меняются. Раньше мужики в кабаке сидели, теперь в телефоне. Те же яйца, только в профиль. Прогресс, называется.

— Это не прогресс, — проскрипел хранитель откуда-то из-под потолка. — А дег-ра-дация. В кабаке хоть с живыми людьми общались, а тут — с бездушным стеклом.

Агата рассеянно глянула на меня и перевела взгляд на окно. Я тоже посмотрел. За окном начало темнеть, вдоль улицы один за другим зажигались фонари, их желтоватый свет дрожал в мокром асфальте, и от этого улица казалась уютнее, чем была на самом деле. Проехал автобус, и снова всё стихло.

— Нет там никого, — я уселся и обернул лапы хвостом. — Я бы почувял.

— Да, вижу, — но она продолжала смотреть в темноту, и я ещё раз осмотрел окрестности: в соседнем доме загорелись окна, Лидия включила свет в лавке, и на стекле отразились наши расплывчатые силуэты.

Я решил подкинуть Агате работы, чтобы отвлечь её от призрачных незнакомцев:

— Может, поможешь бабушке с порядком? А то стоишь как памятник самой себе.

— Я думаю, — огрызнулась она, но в голосе не было злости — скорее усталость.

— О чём?

— О разном.

— Ага. О разном светловолосом и прихрамывающем, — съязвил я, и она покраснела до корней волос, схватила тряпку и демонстративно принялась вытирать подоконник с таким усердием, будто готовила его к хирургической операции.

Но от окна так и не отошла — вытирала одно и то же место с упорством, достойным лучшего применения.

Ближе к закрытию в лавку заглянула Татьяна — уставшая, с пятнами клея на пальцах, которые въелись под ногти, и запахом старой бумаги в волосах, смешанным с типографской пылью. Она выглядела так, будто провела день не в мастерской, а в подвале, где хранились столетние архивы, и даже походка у неё была слегка шаткой.

— Мам, у нас есть что-нибудь от запаха? — обратилась она к Лидии, и голос её звучал глухо. — Принесли сегодня книгу семнадцатого века. Пахнет так, будто её сто лет в подвале держали, с мышами и плесенью. А завтра заказчик должен зайти.

Я зевнул. Если семнадцатого, то могли и двести держать, кто им запретит.

— Шалфей и мята, — не задумываясь ответила Лидия, уже протягивая руку к полке. — Разложи рядом с книгой, но не на страницы — пятна могут остаться, испортишь работу. И проветри комнату как следует, открой окна настежь, даже если холодно.

— Уже проветриваю, — Татьяна провела рукой по лбу. — Но запах въедливый. Будто книга не просто отсырела, а... — она поморщилась, подбирая слова, — будто в ней что-то неприятное осталось.

— От старых книг всякое может исходить, — кивнула Лидия, отвешивая травы на старых медных весах. — Не только запах пыли и чернил. Люди читают, переживают, оставляют эмоции на страницах, как отпечатки пальцев. Накапливается за века, особенно если книга была дневником.

Я переступил лапами и ткнулся носом в джинсы Татьяны, приняхиваясь. Никакой неприятной магии, только старая бумага, клей и пыль. Я чихнул.

— Что за книга-то? — спросила Агата, отвлекшись от окна, и добавила тихонько: — Будь здоров.

— Дневники помещика какого-то, — Татьяна пожалала плечами, сделав вид что не заметила последних слов дочери. — Хозяйство, расходы... обыденно. Но почерк странный: то аккуратный, то будто в лихорадке писал. И чернила местами расплылись.

— От сырости? — уточнила Лидия.

— Не знаю, — Татьяна развела руками, и клей на пальцах блеснул в свете лампы. — И нескольких страниц не хватает, вырваны прямо у корешка. Вот как так можно с книгой-то — пожаловалась она.

— Вырванные страницы? — я поднял голову на Татьяну. — Да сколько угодно. Люди вечно что-нибудь выдирают из старых книг: кому на заметку, кому на растопку, кому картинка понравилась. Удивительно, что не половину выдрали. Наверное, просто рука устала.

Агата покосилась на меня, но промолчала.

— Работать с ней неприятно, — тихо добавила Татьяна, прижимая пакетик с травами к груди. — Будто кто-то через плечо смотрит.

Лидия нахмурилась:

— Защиту поставила?

— Зачем? Я же не...

— Татьяна, — голос Лидии стал строже, — ты от дара отказалась, но голова-то на плечах осталась? Старые вещи накапливают энергию. Особенно те, куда много эмоций вложено. Хотя бы простой контур.

— Хорошо, — тихо согласилась Татьяна, потирая глаза. — Что-то я... наверное, просто переутомилась.

— Держи, — Лидия протянула ей тонкий браслет, сплетённый из разноцветных нитей с мелкими камушками, которые тускло мерцали в свете лампы. — Это защитный амулет. Магии от тебя не требует, сам сработает, если что-то пойдёт не так. Перчатки, надеюсь, есть?

— Есть, я их всегда надеваю на работу, — Татьяна взяла браслет и надела на запястье с почти благоговейной осторожностью. — Не настолько я ещё поглупела.

Лидия промолчала.

Татьяна ушла, унося травы. Я посмотрел ей вслед и задумался. Вырванные страницы — дело житейское, всякое бывает. Но вот что интересно: Татьяна — человек неодарённый и обычно к таким вещам глуховата. А тут — «будто кто-то смотрит».

Может, просто книга старая, рассохлась, плесень где-то завелась — вот и мерещится. А может, и правда что-то в ней застряло: люди веками в дневники такое выливают, что бумага пропитывается. Не магия даже — так, остаточный след. Как запах духов, который держится в шкафу ещё месяц после того, как флакон убрали.

— Эй, Шурш, — позвал я. — Ты что-нибудь чувствуешь? Странное?

— Я всегда чувствую странное, — проворчал дом откуда-то сверху. — Вопрос в том, какую именно странность ты имеешь в виду. У меня тут каждый кирпич со своей историей, если хочешь знать.

— Ну вот книгу Татьяне принесли. Она говорит — неприятная.

— Может, просто осень, — раздражённо предположил Шурш, и в его голосе послышалась усталость четырёхсот лет. — Время года дурацкое. То дождь, то солнце, то ветер. Людей штормит, вот и придумывают себе страхи. Книга — она и есть книга.

— А если он не в книге, а в доме? — спросил я, прищурившись.

— Тогда бы я его уже выгнал, — отрезал Шурш. — Ты слишком много думаешь, Моррис. Это от безделья. Лучше бы мышей проверил, а то они опять грызут провода в подсобке.

Я хмыкнул и нарочно потянулся, выпустив когти на полсантиметра — чисто чтобы показать, что бездельем тут и не пахнет.

— Знаешь, Шурш, для дома, который гордится каждой своей трещиной, ты подозрительно торопишься списать всё на погоду. Может, сам просто не хочешь признаваться, что что-то проглядел?

— Проглядел? — голос Шурша стал ниже, будто стены слегка дрогнули от его ворчания. — Да я тут каждую пылинку по имени знаю. Если бы в доме завелось что-то лишнее, я бы его ещё на пороге осадил. А ты, Моррис, вечно ищешь заговор там, где просто сырость по плинтусу ползёт.

— Сырость не заставляет людей чувствовать, будто за ними следят, — возразил я. — Татьяна не из тех, кто паникует по пустякам.

— Зато ты из тех, кто из пустяка делает трагедию, — буркнул Шурш.

Я хмыкнул. Возможно, он прав, и я накручиваю себя. В конце концов, у нас тут не детективное агентство, а лавка трав, и если каждой странности уделять внимание — никаких нервов не хватит, даже если ты призрак.

Глава 3

— Агата, иди помоги с настойками, — позвала Лидия из подсобки. — Нужно процедить зверобой.

— Сейчас, — отозвалась Агата и скрылась за дверью.

Я остался у окна. Время тянулось медленно. Так всегда бывает, когда ждёшь неизвестно чего. Я, положим, ждал, когда уже можно будет пойти домой. Дом — это кухня, тёплая батарея и Татьяна, которая меня не видит, но знает о моем существовании и иногда рассказывает что-нибудь интересное или забавное.

За стеклом редкие прохожие спешили под зонтами. Проехал последний автобус, за ним — машина. Я проводил её взглядом и тут увидел его.

За стеклом редкие прохожие спешили под зонтами. Проехал последний автобус — с влажным шипением, окатив остановку волной брызг. За ним — машина. Я проводил её взглядом.

И тут увидел его.

Парень. Высокий, волосы скрыты под капюшоном толстовки. Хромал он или нет — непонятно, потому что стоял неподвижно, уставившись в телефон. Зонта у него не было, и дождь его, похоже, не беспокоил. Вообще.

Странно это. Даже для ноябрьского дождя — странно. Я, может, и призрак, но помню, каково это, когда вода за шиворот, а ты стоишь, потому что выхода нет. Но этот стоял не так, будто выхода нет, а так, будто ему всё равно.

Я подпрыгнул. В буквальном смысле — взвился в воздух и приземлился на все четыре лапы, уже развернувшись к ней мордой.

Дожил. Уже не замечаю, когда ко мне подходят. Вот так за зад цапнет кто-то недружелюбный — я и не замечаю, кто подкрался. И поминай как звали кота Морриса.

Агата стояла у меня за спиной — руки в травяной пылице, на щеке зелёный развод, — и смотрела поверх моей головы в окно. Взгляд у неё был не мечтательный. Скорее как у человека, который наконец получил ответ на вопрос, но ответ этот ему не нравится.

— Вижу, — буркнул я. — И что собираешься делать? Продолжать в окно пялиться?

Парень стоял под дождём, который усиливался с каждой минутой. Толстовка уже промокла насквозь, а он будто не замечал.

— Он на меня смотрит, — тихо сказала Агата.

Я закатил глаза, с трудом подавив желание хлопнуть себя по морде. Ага, держит, значит, этот чел телефон, а сам глазом косит — что там за девица в окне?

— С этого расстояния он видит только силуэт, — как маленькой объяснил я.

Хотел промолчать, но с Агаты станется напридумывать целую историю, а с её неуёмной энергией это чревато.

— Как будто ждёт кого-то, — пробормотал я сам себе.

— Кого? — тут же встрепенулась Агата.

— А я откуда знаю? Может, автобус, домой поедет. Он явно не местный.

Но моё меланхоличное настроение длилось ровно до тех пор, пока Агата вдруг не направилась к двери.

— Ты куда? — всполошился я.

Она не ответила. Рванула дверь и крикнула в дождь:

— Эй! Чего мокнешь? Заходи погреться!

— Агата, ты что творишь?! — взвился я, но, разумеется, остался неслышанным.

Я застыл. Всё. Вот теперь — всё. Сейчас Лидия выйдет из подсобки, и начнётся. Я даже успел представить, как она молча смотрит на Агату, и этот взгляд тяжелее любого крика.

Из подсобки донёлся грохот — Лидия что-то уронила. Потом тяжёлые шаги и её голос:
— Агата? Что там?

— Она парня какого-то позвала! — заорал я в пустоту. — Незнакомого! Который два дня тут околачивается!

Я одним прыжком оказался у двери и выглянул.

Парень, похоже, не ожидал приглашения. Он оглянулся, но улица была пустая. Других таких умников стоять в луже под проливным дождём не наблюдалось.

— Я...? — начал он и осёкся.

Ещё и тормознутый.

— А ты кого-то другого видишь? Заходи давай, — Агата отступила в сторону, пропуская его. — Видишь, дождь-то какой.

Он переступил порог, оставляя мокрые следы на половике. И теперь я разглядел его как следует. Высокий, худой, с острыми скулами и осторожными серыми глазами. Правую ногу и правда заметно волочил. На вид лет девятнадцать, не больше. Мокрые волосы прилипли ко лбу, на щеке — капля дождя, которую он машинально смахнул рукавом.

— Агата? — Лидия появилась из подсобки.

— Бабуль, это... — Агата замялась, поняв, что не знает, как парня зовут. — Он тут под дождём стоял. Промокнуть же можно.

На мой взгляд, об этом беспокоиться уже поздно. Я скосил глаза на приличную лужу, которая образовалась под ногами гостя.

О-о-очень надеюсь, что гость.

К чести Лидии, она не стала устраивать сцены при постороннем. Окинула незнакомца оценивающим взглядом — от мокрых кроссовок до растрёпанных волос — и коротко кивнула:

— Проходите. Агата, подай полотенце молодому человеку.

Она подождала, пока внучка протянет парню полотенце, и продолжила:

— Вытри пол.

Агата заколебалась, покосилась на половицы:

— Шу-у-урш

— И не подумаю, — отрезал тот и демонстративно захлопнул входную дверь.

Я осуждающе посмотрел на Агату, проществовал к прилавку и уселся рядом с Лидией. Пусть сама разбирается

Парень неловко поклонился, сжимая в руках полотенце.

— Спасибо. Я недолго. Просто... дождь действительно сильный.

Голос тихий, хриловатый. В нём была какая-то застенчивость, но не робость — скорее осторожность человека, который привык не привлекать к себе внимания.

— Вытрите волосы, молодой человек. Заболеть легко, а это, думаю, вам не нужно.

— Да, — он снял капюшон и принялся вытирать волосы.

Агата забросила тряпку в угол и подошла к нему. Лидия проводила это действие взглядом, но промолчала.

— Как вас зовут? — поинтересовалась Агата.

— Егор, — он комкал несчастное полотенце в руках. — Егор Соболев.

— А я Агата Воронова. Это моя бабушка, Лидия Петровна.

Лидия кивнула, продолжая изучать гостя. Я перебрался поближе, устроившись на прилавке. Хотелось рассмотреть его получше, понять, что в нём такого... особенного. Лучше обзор был с плеча Лидии, но я не рискнул.

— Вы местный? — поинтересовалась Лидия.

— Нет, приехал недавно. Снимаю комнату на Садовой.

Бедный район, конечно, но тихий.

— Давно приехали?

— Нет, пару дней всего. Вот, хожу, осматриваюсь. Я артефактор, — он опустил глаза. — Ну, то есть учусь на артефактора, на инженерном.

Агата бросила на бабушку укоризненный взгляд — мол, что это за допрос? Но Лидия допрос не прекратила:

— А в наш городок как забрались? — не унималась Лидия. — На практику? Тут с работой по вашей части туго.

Егор помолчал, разглядывая полотенце в своих руках.

— Нужно было... уехать. Из Москвы. А здесь тихо.

В голосе мелькнуло что-то болезненное, и Агата поспешила перевести тему:

— Хотите чаю? У нас есть очень хороший, с травами.

— Не стоит, я и так...

— Да ладно вам. Всё равно заваривать буду.

Она засуетилась с чайником, а я внимательно изучал Егора. Внешне обычный парень — разве что слишком бледный и худой. Хромота заметная, но не критичная. Но ведь увидела Агата что-то вчера. Тень?

Я прыгнул на пол, обошёл Егора по кругу. Ничего.

Может, ошиблась? Агата у нас при всей своей практичности романтичная до удивления.

— Шурш, — мысленно позвал я хранителя, — ты что-нибудь от него чувствуешь?

Тишина. Даже обычных поскрипываний не слышно.

— Шурш!

Наконец из-под половицы донеслось мрачное:

— Он мне не нравится. Пусть уходит.

Лидия посмотрела на меня, на внучку, но промолчала. Агата же упрямо поджала губы.

Егор, если и заметил эти переглядывания, не подал вида.

Тактичный.

Или решил, что это не его дело. Что в целом верно.

— Он мне не нравится, — настойчиво повторил Шурш. — Лидия, это я тебе говорю.

Агата тем временем заварила чай и поставила перед Егором дымящуюся кружку.

— Осторожно, горячий.

— Спасибо, — он обхватил кружку ладонями, будто грелся. — Вы очень добрые.

— Да ладно, — смутилась Агата. — Обычное человеческое...

— Не обычное, — тихо перебил Егор. — Поверьте.

В этой фразе было столько горечи, что даже я почувствовал неловкость.

Лидия, видно, тоже это заметила.

— Молодой человек, вы часом не болеете?

Егор вздрогнул:

— В смысле?

— В прямом. Выглядите нездорово. Бледность, худоба, синяки под глазами...

— Просто плохо сплю, — быстро ответил он. — Новое место, непривычно.

— А нога? — она опустила глаза и прищурилась.

— Старая травма. Ничего серьёзного.

Врёт. По крайней мере, не всю правду говорит. Лидия, похоже, тоже это поняла.

— А что у вас с аппетитом? — продолжила она допрос.

— Бабуль, — одёрнула её Агата, — может, не будем человека расспрашивать?

— У врачей были? — не обратила внимания на замечание Лидия.

Егор поставил кружку на стол — руки у него дрожали.

— Был. Говорят, всё нормально. Просто... стресс.

— И что прописали?

— Витамины. Успокоительное.

— Помогает?

— Не очень.

Лидия задумчиво покивала и направилась к шкафу с травами. Егор проследил за ней взглядом:

— А вы... целительница?

— Ведьма, — поправила Агата. — Бабушка очень хорошо разбирается в травах.

— Понятно, — он снова взял кружку, но пить не стал. — А вы тоже?

— Учусь, — Агата покраснела. — Пока не очень получается.

— Уверен, что хорошо.

Они посмотрели друг на друга, и в воздухе повисло что-то этакое, от чего я демонстративно фыркнул. Подростки. Достаточно парню сказать пару ласковых слов, и всё — девочка готова в огонь и в воду.

Лидия вернулась с небольшим пакетиком:

— Возьмите. Ромашка с мелиссой и еще парочка трав. Заваривайте вечером, пейте перед сном. Поможет расслабиться.

Егор протянул руку за пакетиком — и в этот момент я заметил странное. Позади него, будто лёгкое марево, колыхалось нечто призрачное. Едва заметная дымка, которую можно было принять за игру света или усталость глаз. Но я был уверен — это был силуэт. Размытый, почти прозрачный, но определённо силуэт чего-то или кого-то.

— Шурш, — позвал я хранителя, не сводя глаз с мерцающей тени за спиной Егора, — ты это видишь?

— Что я могу видеть? У меня что, глаза есть? — проскрипел хранитель из стены.

Лукавит. Всё, что происходит в доме и лавке, он видит прекрасно.

— За его спиной, — уточнил я. — Тень. Ну или не тень, дымка какая-то.

Пауза. Потом половица взвизгнула так, будто на неё наступили каблуком:

— Я сразу сказал — не нравится он мне! Пусть уходит! Агата его пригласила — теперь пусть выгоняет!

— Да погоди ты паниковать, — осадил я его, но Шурша уже понесло:

— Лидия! Ты слышишь? У него тень за спиной! Чужая!

Лидия, которая как раз протягивала Егору пакетик, замерла. Рука с травами повисла в воздухе. Она посмотрела на меня и вопросительно подняла бровь.

Я качнул хвостом в сторону Егора:

— За его спиной. Стоит и не шевелится.

Агата, услышав это, побледнела. Она переводила взгляд с меня на Егора и обратно. На лице её читалась борьба: ей очень хотелось верить, что мне показалось. Но она сама что-то такое видела два дня назад у фонаря. И теперь не знала, радоваться ли, что не сошла с ума, или пугаться ещё больше.

Тем временем тень за спиной Егора стала ещё более расплывчатой, почти исчезла. Но теперь, вблизи, в доме, пропитанном магией, я чувствовал её отчётливее — как лёгкий холодок на границе восприятия.

Егор, ничего не замечая, держал пакетик в руке и явно не понимал, отчего это хозяйки вдруг застыли и куда-то уставились. Он вежливо кашлянул:

— Сколько с меня? — в его голосе не было ничего подозрительного.

Лидия ответила не сразу. Она ещё пару секунд изучала пространство за его спиной — и, судя по лёгкой складке между бровей, она ничего не заметила. Это её тревожило.

— Ничего. На пробу. — Она покачала головой. Тон у неё был ровный, почти обычный. Но я-то знал: она уже не просто беседует. Она сканирует его, анализирует.

— Я не могу просто так...

— Можете, — отрезала Лидия. — Если поможет — расскажете знакомым. Лучшей рекламы нет.

Егор спрятал пакетик в карман и встал:

— Спасибо. Вы очень... я не ожидал.

— Поторопитесь, скоро автобус пройдёт. Последний, как раз в сторону Садовой.

— Дождь закончился, — заметила Агата, глядя в окно. Голос у неё был чуть напряжённый — крики Шурша явно выбили её из колеи. — Но там лужи большие, осторожнее.

— Дойду, — он надел толстовку, всё ещё влажную. — До свидания. И ещё раз спасибо.

— До свидания, — отозвалась Агата, и в голосе её слышалось что-то среднее между сожалением и облегчением.

Дверь закрылась. Егор побрёл по улице. Была ли тень за его спиной, я разглядеть уже не мог — темнота скрадывала всё. Силуэт парня растворился в сумерках.

Автобус он ждать не стал.

Лидия повернулась ко мне:

— Ты уверен?

Я возмущённо фыркнул и отвернулся. Кажется, я ни разу не давал повода усомниться в моих словах.

— Моррис.

Ладно-ладно, не надо так давить на бедного котика.

— Абсолютно. Стояла у него за плечом всё время, пока он тут сидел. Не двигалась, не угрожала. Просто стояла.

— Шурш?

— Я сразу сказал — не нравится он мне! — выпалил Шурш. — От него веет... не знаю я чем. Чужим веет. Неправильным.

— Ты про парня или про тень? — уточнила Агата. Она подалась вперёд, и глаза у неё горели тем самым опасным огоньком, который я так хорошо знаю.

— Про обоих! — отрезал Шурш.

— А конкретнее? — спросила Лидия.

Шурш завозился, заскрипел половицами — и наконец выдохнул с явной досадой:

— Я б его выставил, да не могу. Приглашённый он. Дурацкий закон, между прочим, — кого из рода пригласили, того я трогать не могу.

— Правильный закон, — отрезала Лидия. — Без него любой хранитель, кто силу имеет, начал бы незваных гостей вышвыривать, даже тех, кому помощь нужна.

— Помощь! — взвился Шурш. — От этого помощь нам всем ещё боком выйдет, помни моё слово.

Я попытался передать свои ощущения, :

— Сначала её точно не было. Но она пришла с ним. Она не нападает. Она... — я запнулся, пытаюсь поймать отголосок, который ощутил на мгновение, — она как будто ждёт.

— Чего ждёт? — тут же поинтересовалась Агата.

— Не знаю. Может, его. Может, кого-то другого. Я в чужие тени не заглядываю.

Повисла тишина. Лидия прошлась вдоль прилавка, машинально поправила банку с лавандой, хотя та стояла идеально ровно.

— Моррис, она опасна?

Я задумался. Это был важный вопрос, и ответ требовал честности.

— Нет, — сказал я наконец. — По крайней мере, не сейчас. Она не пыталась ни к кому приблизиться, не тянулась. Просто стояла. Как будто... как будто она не с ним, а при нём. Как охрана. Или как надзиратель. Не пойму пока.

Агата выдохнула — кажется, она до последнего боялась, что я скажу «опасна», и тогда бабушка запретит Егору даже приближаться к лавке.

— Но видел её только ты, — сказала она скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Видел, — подтвердил я. — Думаю, в доме, где магии больше, она стала плотнее. Улица размывает такие вещи, а тут — всё чётко.

— А Егор этот её не видит. И не чувствует. Он вообще не знает, что за ним кто-то стоит.

— Может, ему сказать? — Агата посмотрела на бабушку.

Лидия покачала головой:

— Нет. Пока не поймём, что это. Если это проклятие — мы можем активировать его, просто назвав вслух. Если это защита — тем более не стоит вмешиваться без понимания.

Я понимал её. Правда, понимал. Но ещё я понимал другое: Агата теперь не успокоится. Будет думать. И, зная её, что-нибудь придумает. И мне придётся за ней присматривать. Впрочем, это не новость.

— А если он завтра снова придёт?

Агата сгорбилась, положила руки на стол и опёрлась на них подбородком. Пальцы рассеянно водили по маленькой лужице, оставшейся после Егора.

Лидия повернулась к ней и легонько стукнула по спине:

— Не горбись. И в следующий раз, прежде чем незнакомых людей приглашать, советуйся.

— Но он же

— Он молодой, симпатичный и несчастный. Я понимаю. Но это не значит, что его нужно сразу тащить в дом. Этот Егор — не бездомный щенок.

По-моему, очень даже похож. Но я промолчал.

— А если всё-таки придёт? — не унималась Агата.

Лидия помолчала. Потом легонько пожала плечами:

— Тогда и решим. А пока — никакой самостоятельности. Особенно от тебя.

Она выразительно посмотрела на Агату, затем — на меня. Я сделал вид, что меня тут вообще нет.

— Я серьёзно, Моррис, — добавила она. — Присмотри за ней.

— Всегда присматриваю, — буркнул я. — Работа у меня такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.